

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Возвращение въ Синайскій монастырь.

4. Вторникъ.

Нечего было дѣлать въ Раиѣ. А въ Синайскомъ монастырѣ предлежало намъ много работы. Полезныя и посѣшныя занятія отзывали насъ назадъ; и мы сего дня утромъ въ шесть часовъ выѣхали изъ древней селитвы Финикіянъ и пошлагали по Каайской равнинѣ въ восточномъ направленіи къ долинѣ Слехъ. Въ началѣ пути освѣжалъ насъ прохладный вѣтерокъ, потомъ не далеко отъ горъ припекло насъ солнце. Но мы успѣли укрыться отъ жара въ тѣняхъ, отбрасываемыхъ высокими и извивистыми холмами и отрогами помянутой долины.

Въ самомъ устьѣ ея, предъ которымъ отъ сильнаго напора дождевыхъ водъ образовалась большая котловина, обставленная высокими нано-

сами глины и камней, направо отъ верблюжьей стези я замѣтилъ на темносиней, лоснящейся скалѣ Синайскія надписи, и двѣ изъ нихъ отподобилъ. Вотъ онѣ:

9'8'8'8'8'8'
9'8'8'8'8'8'

4'8'8'8'8'8'8'

8'8'8'8'8'8'8'

9'8'8'8'8'8'8'

8'8'8'8'8'8'8'

8'8'8'8'8'8'8'

TTT

Тутъ мнѣ вздумалось спросить нашего Шеха: не слыхалъ ли онъ отъ стариковъ, кто и когда сдѣлалъ эти черты и рѣзы. Салехъ сперва отвѣчалъ, что всѣ письма на Синайскихъ скалахъ начертаны еще въ началѣ міра, потомъ, смущенный моимъ недоумѣніемъ, молвилъ: «можетъ быть, онѣ вырѣзаны Рейсъ Эт-Оемманомъ. При семъ имени воспламенилось мое любопытство; и я началъ вывѣдывать у Шеха: кто этотъ Оемманъ.—«Не знаю,—говорилъ онъ,—не знаю; слыхалъ только, что онъ лишился здѣсь своей жены». — Тутъ я припомнилъ, что назадъ тому пять лѣтъ Синайскіе Бедуины показывали мнѣ могилу супруги Оеммана на пути между долинами Аталъ и Тайбе, и предполагалъ, что этотъ Рейсъ былъ сынъ Исава. Сіе предположеніе обстанавливалось смѣлыми мыслями: «Ежели преданіе, высказанное Салехомъ, вѣрно; то загадка о происхожденіи Синайскихъ письменъ рѣшена. Онѣ изобрѣтены Оемманомъ. Слѣдовательно въ нихъ содержатся памятники его самага и потомковъ его Эдомлянъ, искони владѣвшихъ восточною частію Синайскаго полуострова. Понятно это изобрѣтеніе. Оемманъ, живя въ сосѣдствѣ съ Египтомъ, гдѣ гораздо раньше его писали на камняхъ, могъ видѣть Египет-

скія письма и по поводу ихъ самъ выдумалъ черты и рѣзы для выраженія своихъ мыслей. Въ ветхомъ завѣтѣ упоминаются двѣ области подъ названіемъ, Оемманъ. Обѣ онѣ находились южнее Палестины, одна въ Идумеѣ и другая въ Аравіи при Черномъ морѣ. Оемманиты слыли въ древности премудрыми. Таковъ былъ Елифазъ другъ праведнаго Іова. (2, 11.) Таковыми названы они пророкомъ Іереміею. (49, 7) Не даромъ же имъ присвоена была мудрость. Она достойны были такой славы, если въ самомъ дѣлѣ изобрѣли письма.»

Эти мысли пріятно занимали меня въ пути: а гораздо пріятнѣе были красоты долины Слехъ. Въ началѣ она весьма извивиста, узка, дика и обставлена угрюмыми скалами и утесами, кои отвѣсны, какъ стѣны. На нѣкоторыхъ углахъ ихъ взгромождены какъ бы колокольни. Скоро показался намъ потокъ, Слехъ. Мы обрадовались ему и осѣняющимъ его развѣсистымъ пальмамъ, и подтѣнію ихъ отдохнули у сладкой воды съ полудня до четырехъ часовъ. Тутъ наши проводники нарѣзали незрѣлыхъ финиковъ и накормили ими своихъ верблюдовъ, которые жевали ихъ весьма охотно: А насъ напоила свѣжимъ молокомъ одна старая

Бедуинка, приведшая къ потоку своихъ длинноукихъ козъ. Когда она погнала ихъ назадъ: я молвилъ имъ нѣжный стихъ древняго поэта

Ite domum saturae capellae

Venit hesperus.

Идите домой сытыя козочки:

Насталъ ужъ вечеръ.

и пожалѣлъ о томъ, что не спросилъ, какъ зовутъ старую пастушку. За то воображеніе именovalo ее Сепфорою, Асенефою, Агарью. А разсудокъ замѣтилъ неизмѣняемость патриархальнаго обычая у скитальческихъ племенъ поручать пасеніе стады дѣвицамъ и женщинамъ.

По уменьшеніи жара дневнаго Шехъ Салехъ повелъ насъ далѣе по долину Слехъ. Она едва примѣтно возвышалась, и суживаясь постепенно, становилась наряднѣе и величественнѣе. По обѣимъ сторонамъ ея на высокихъ и отвѣсныхъ скалахъ въ перемежку пестрились разноцвѣтные слои и полосы, голубые, красные, розовые, желтые, бѣлые, черные, смуглые, сѣрые, и разстилались сверху внизъ то прямо, то криво, то молніеобразно, индѣ широкими полотнами, индѣ длинными полотенцами, а по мѣстамъ узкими лентами. Казалось, Всехудожникъ узорчатыми тканя-

ми убралъ стѣны Слехской долины для утѣшенія путника, идущаго молиться Ему у Купины неопалимой. Когда стезя привела насъ къ первому обрывистому подъему, заваленному огромнѣйшими камнями: тутъ насъ изумило величіе Божіе, впечатлѣнное на утесахъ величественныхъ, разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ; и мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы продолжить наслажденіе свое дивною картиною природы Синайской. Съ каждымъ взглядомъ на нее возрастало наше очарованіе. Высота, громадность и сближенность утесовъ съ обѣихъ сторонъ уже не пропускали вечерняго свѣта. Вся правая линія ихъ была въ тѣни; а лѣвая освѣщалась мерцаніемъ еще блѣдной при солнцѣ луны, которая къ довершенію прелести стояла неподвижно на темени одного противоположнаго холма и глядѣла въ два огромные и глубокіе подтеса багрянаго цвѣта подъ верхними навѣсами скалъ, грозившихъ паденіемъ. Ея тусклый свѣтъ, дрожа на этихъ подтесахъ, придавалъ ихъ багряности лоскъ волшебный. Частица сего свѣта озаряла внизу зеленый камышь, въ чащѣ котораго журчалъ Слехскій потокъ, падая съ огромнаго камня. Тихое журчаніе его приманило насъ къ чистѣйшимъ струямъ; и мы

напились сладчайшей въ мірѣ воды послѣ льва (Сѣба), котораго свѣжіе слѣды указали намъ тутъ Бедуины. Она въ устахъ моихъ отозвалась вкусомъ молока. Потокъ Слхскій—истыя сливки! Пока мы любовались, услаждались, восхищались велелѣпіемъ лебри; наши верблюды, одинъ за другимъ, съ трудомъ поднимались межъ камней на вершину водопаднаго подъема по узкой и стропотной тропинкѣ. Одни изъ нихъ прошли тутъ благополучно, а другіе попадали съ грузами. Не возможно было приподнять ихъ въ скользкой и косвенной тѣснинѣ. Погонщики развьючили ихъ и уже на рукахъ перенесли наши вещи.—За этою тѣсною потокомъ исчезъ, и скоро показалась тѣсна другая, но менѣе стропотная. Горбуны возбрались по ней осторожно и оттуда по ровному и чистому ложу юдоли спокойно дошагали до ночлега, назначеннаго волею нашего Шеха у подошвы скалъ велелѣпныхъ. Было семь часовъ, когда мы спѣшились тутъ. Луна ярко освѣщала средину долины. Арабы тотчасъ развели огни и начали варить себѣ кофе и печь опресноки. А мы, напившись чаю, разложили рядкомъ свои дорожныя постели на чистомъ пескѣ у подошвы отвѣсной скалы. Я скоро заснулъ, очарованный

дивнымъ сіяніемъ луннаго свѣта съ блескомъ пищеварныхъ огней и ихъ отраженіемъ на разноцвѣтныхъ утесахъ и смуглыхъ лицахъ Бедуиновъ.

5. *Среда.*

Въ великолѣпномъ чертогѣ Слхскомъ спокойнѣ, сладокъ и животворенъ былъ сонъ мой подъ открытымъ небомъ, межъ нарядныхъ скалъ, на значительной высотѣ земли, въ струяхъ чистѣйшаго горнаго воздуха. А одинъ изъ спутниковъ моихъ, имянно г. Соловьевъ, спалъ не спокойно. Ему, почившему съ краю отъ насъ, мерещился левъ, котораго слѣды онъ видѣлъ вчера у Слхскаго потока; и мысль, какъ бы не пожралъ его царь Синайскихъ животныхъ, не разъ прерывала сонъ его сладкій. Тревога напрасная! Но она испытана.

Утромъ въ пять часовъ мы сѣли на пустынные корабли и поѣхали. Сидя на своемъ, я смотрѣлъ на право и на лѣво, вверхъ и внизъ. Слхская долина, въ своемъ верховѣ, не нарядна и не имѣетъ никакого величія, но за то богата растительностію. Въ ней хвойныя Манны кустятся почти безъ прерыва; по мѣстамъ высятся фини-

ковья пальмы; у водъ зеленѣютъ тростниковыя чащи, въ коихъ скрываются львы и леопарды (Немұры), чтобы въ распахъ нападать на верблюдовъ и козъ. Въ расщелинахъ скалъ растеть множество капорцовъ, которые; достигнувъ величины небольшого огурца, жолтѣютъ. Арабы ѣдятъ ихъ съ удовольствіемъ. При подошвахъ холмовъ зеленѣютъ Содомскія яблонки. Здѣсь ихъ называютъ Ощурами. Это растѣніе, вышиною аршинъ въ пять, не развѣсисто, а поджаро, но стройно и красиво. Его желтые стволы и стебли тонки; ярко-зеленыя листья круглы и толсты; цвѣтъ въ видѣ чашечки бѣлъ съ алымъ отливомъ внизу. На вѣткахъ его попарно растутъ крупныя яблока зеленаго цвѣта, надутыя и пустыя, такъ что когда ихъ пожмешь, они тотчасъ лопаются. Внутри ихъ торчитъ одинъ небольшой стручокъ, весьма красиво убранный вверху семенами, подъ коими уложены бѣлѣйшія волокна. Замѣчательно, что Ощуръ растеть на значительной высотѣ надъ уровнемъ Чермной пучины и у береговъ Мертваго моря, которое гораздо ниже водъ Средиземныхъ.

Кое-гдѣ изъ-за холмовъ Слхской долины, справа, проглядывали угрюмые утесы высочай-

шей горы Ум-Шомаръ, которая вчера долго видна была, какъ развернутый вѣеръ. Изъ этой долины мы непосредственно вѣхали въ Уади Зеляга. Въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго. Она дика и пуста. Шехъ Салехъ довелъ насъ до родника ея скуднаго водою и присовѣтовалъ намъ переждать тутъ жаръ дневной. Мы укрылись подъ огромнымъ навѣснымъ камнемъ и подкрѣпили свои силы чересвымъ хлѣбомъ, жареною рыбою, червленымъ виномъ и Зелягскою водою. Послѣ обѣда каждый подъ камнемъ думалъ свое; а я разсуждалъ самъ съ собою о томъ: съ какой стороны Израильтяне подошли къ Синайской горѣ. — «Такъ какъ въ Раиѣ на Каайской равнинѣ я видѣлъ библейскую Рааку (числ. 53, 11, 12); то и полагалъ, что они прошли оттуда въ прямомъ направленіи отъ запада къ востоку чрезъ многоводныя долины Дагаде, Хебранъ и Слхъ; ибо узкость и стропотность сихъ долинъ не позволяли идти многочисленному народу по одной какой-либо изъ нихъ. Когда они взобрались по нимъ въ средоточныя горы; остановились въ Алусѣ и оттуда перешли въ Рафидинъ. (Числ. 33, 13, 14.) Алусъ я пріурочивалъ къ высочайшей горѣ Зербалу съ ея водными и значными долинами

Дагаде, Хебранъ и Фейранъ, а Рафидинъ къ пространной долинь Шехъ, начинающейся у подошвы Хорива и дугообразно простирающейся по направлению къ Зербалу. Къ такому приуроченію приводили меня слѣдующія соображенія. Слова, Зербъ, Зарбъ, прилагаются къ названіямъ нѣкоторыхъ Синайскихъ горъ, какъ придаточныя; напр: Зарбут—Ел—Хадемъ, Зарб—ут—Оммаръ. Безъ этого придатка коренное названіе Зерб—ала, очевидно, есть Аль, или съ Еврейскимъ окончаніемъ, Алусъ. Аль же на Арабскомъ и Еврейскомъ языкахъ значить, высота. Что касается Рафидина; то сія мѣстность въ св. Писаніи отмѣчена безводною (Исход. 17, 1.) и близкою къ Синайской горѣ, такъ что Израильтяне оттуда прошли прямо къ ней и ополчились у подошвы ея (Исход. 19, 2). Такова долина Шехъ. Въ ней нѣтъ воды; и она ведетъ къ Хориво—Синаю.»

Частію въ такихъ соображеніяхъ, частію въ покоѣ прошло время незамѣтно. Наступила вторая половина четвертаго часа по полудни; и мы опять снарядились въ путь и пошагали выше по Уади Зѣяга, потѣшаемые однимъ Бедуиномъ, который весьма удачно подражалъ собачьему лаю и верблюжьему крику и ворчанію. Стрпотная и

извивистая стезя наконецъ привела насъ на обширную и равнинную высь подъ названіемъ, Раха, которая начинается у горнаго кряжа, Ротебъ, близъ Синайской горы, и едва примѣтно склоняется къ востоку и югу. Она совершенно противоположна другой Рахійской равнинѣ, находящейся съ сѣверной стороны Хорива—Синая. На этой выси кочуетъ племя нашего Шеха, называемое Сгерриды. Онъ позвалъ насъ къ себѣ въ гости. Мы съ удовольствіемъ согласились провести ночь въ его кочевьѣ, и своротивъ за нимъ въ сторону отъ дороги, ближе къ горѣ Ротебъ, прибыли въ станъ его предъ захожденіемъ солнца и расположились на полѣ у огромнѣйшаго гранитнаго камня, имѣющаго видъ пирамиды, близъ трехъ черныхъ скиній, въ коихъ кочуетъ Салехъ съ матерію и роднымъ братомъ своимъ. Онъ постлалъ для насъ свои лучшіе пологи, вытканые изъ верблюжьей шерсти, и подарилъ мнѣ самаго лучшаго овна изъ своего стада.

По закатѣ солнца стало довольно прохладно; пастухъ пригналъ въ кочевье два небольшіе стада овецъ и козъ, между коими были и ослы; тотчасъ Асенефы и Сепфоры надоили намъ молока и прислали свѣжаго масла, а проводникамъ на-

шимъ и другимъ. Бедуинамъ приготовили кофе и ужинъ. Всѣ они, числомъ двѣнадцать, сѣли кружкомъ и чинно ѣли густую размазню и яуртъ съ хлѣбомъ, беря ихъ руками изъ чашъ. Салехъ весьма радъ былъ дорогимъ гостямъ и подчивалъ насъ и пришельцовъ всемъ, что только имѣлъ. Такое гостепріимство въ таборѣ напоминало патриархальныя времена Авраама, Исаака и Иакова.

Когда спутница земли озарила Рахскую высь; я взошелъ на одинъ сосѣдній бугоръ, чтобы лучше рассмотреть эту мѣстность. Предо мною разстилалась широкая, взволнованная равнина, немного приподнятая на западѣ и понижающаяся къ востоку. На ней зеленѣли тощія былія травныя, и недалеко отъ нашего ночлега видны были сѣнолиственныя деревья и три каменныя хижины, въ коихъ Сгерриды складываютъ свою рухлядь и хлѣбное зерно. Есть большая разность между сею Рахою и тою, которая разстилается предъ Хоривомъ. Тамъ—песчаное море: здѣсь зеленое поле. Тамъ со всѣхъ сторонъ возвышаются утесы и скалы: здѣсь, лишь на сѣверѣ, горы Ротебъ и Синай подпираютъ часть неба, открытаго съ прочихъ сторонъ. Наконецъ Хоривская Раха гораздо ниже Ротебской.

Кончивъ сличеніе сихъ мѣстностей, я пошелъ въ свой таборъ, но не одинъ. За мною слѣдовала длинная тѣнь моя. Я легъ у багрянаго гранита: а она переломилась на немъ и исчезла.

6. Четвертокъ.

Ночью и утромъ было холодно такъ, что мы принуждены были прикрыться теплыми одеждами. Въ пять часовъ поѣздъ мой двинулся съ ночлега. Впереди шелъ Салехъ въ длинномъ бѣломъ хитонѣ. По спинѣ его изъ-подъ бѣлой полной чалмы ниспускалось до пятъ широкое полотенце съ красными узорами и бахромою на нижнемъ краѣ. Такой нарядъ придавалъ ему видъ ветхозавѣтнаго жреца—тѣмъ болѣе, что онъ велъ съ собою подареннаго мнѣ овна какъ бы на жертвоприношеніе. Скоро показался намъ влѣвѣ исполинскій остовъ Синая между горою Ротебъ и великолѣпнымъ угломъ Едь-Деира, или св. Епистиміи (*). Съ этой стороны Синай дивно величественъ. Отдѣльно поднятый къ небу, какъ пирамида, и ничѣмъ не заслоненный, онъ казался мнѣ достойнымъ подножіемъ Іеговы. Угловыя окраины его и другія

(*) Смотри очеркъ на листѣ 34.

лнии спускаются съ верху къ низу, словно окаменѣлыя преломленія молній. Какъ эти преломленія, такъ и разныя трещины и смуглый цвѣтъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ цвѣтъ корки ржаного хлѣба, живо напоминали мнѣ тѣ громы, молнии, куренія дыма и сотрясенія горъ, коими сопровождалось дарованіе Десятословія Израильскому народу. На самомъ темені сей священной горы видны были храмъ преображенія Господня и мечеть. Долго я стоялъ предъ лицомъ Синая и благоговѣнно любовался его прекраснымъ величіемъ. Та прозрительная способность души, которая вдругъ сознаетъ истину, тотъ умственный взглядъ нашъ, который прежде доказательствъ видитъ ее, увѣрили меня, что непременно на этой сторонѣ, а не на противоположной у Хорива, стояли Израильтяне, когда въ первый разъ имъ изрѣкаемо было Десятословіе, и когда они въ ужасѣ отъ громовъ, молній и трясенія земли упросили Моисея, чтобы онъ одинъ бесѣдовалъ съ Богомъ. Къ этому внезапному, внутреннему убѣжденію моему присоединились ясныя доказательства. Во первыхъ, здѣшнее Рахское поле несравненно обширнѣе Хоривской Рахи; и на немъ и на склонахъ его могли помѣ-

тяться миллионы людей. Во вторыхъ, съ этой стороны весь Богошественный Синай открытъ, какъ памятникъ; и Израиль, стоя предъ лицомъ его, могъ ясно видѣть куреніе дыма изъ трещинъ его и надъ нимъ грозныя тучи, и слышать гласъ Божій, которому вторили горы. Въ третьихъ, съ противоположной стороны нисколько невидна св. вершина Синая. Итакъ здѣсь, на Рахъ Ротеско-Синайской возвѣщены были десять заповѣдей трепещущему Израилю: а на Рахъ противоположной у подножія Хорива и у холма Ааронова совершилось обоженіе золотаго тельца, и сокрушены были Моисеемъ первыя скрижали закона. Такъ думаю, такъ вѣрю; и никто не можетъ колебать сего внутренняго убѣжденія моего, какъ никто не въ силахъ сдвинуть Синая съ его гранитныхъ основаній. Да и пустынные отцы указываютъ на священную вершину Синая, какъ на подножіе Іеговы, а на Хоривъ, какъ на мѣсто сокрушенія скрижалей.

Довольный такимъ убѣжденіемъ, я возблагодарилъ Бога за то, что пришлось мнѣ видѣть Синай съ лицевой стороны его, и продолжалъ путь свой, радуясь. Багряные утесы Синая и Деира, между которыми выказывались красоты нарядной

долины Шехъ, увеличивали мою радость. Наконецъ мелькнула вдали св. обитель у подошвы Синая, какъ лѣпная картинка въ четверогранной, старой рамкѣ. Стропотень спускъ къ ней мимо горы, съ которой Моисей увидѣлъ купину горящую и несгорающую. Посему всѣ мы спѣшились и за Салехомъ, будто за ветхозавѣтнымъ жрецомъ, ведшимъ кроткаго овна, начали сходить осторожно межъ обломковъ гранитныхъ. Подлѣ меня шли домочадцы мои, Юсефъ и Ханна. Миѣ вздумалось спросить ихъ: знаютъ ли они десять заповѣдей. Безграмотный Юсефъ отвѣчалъ: не знаю. А премудрый Ханна похвалился вѣдѣніемъ двухъ первыхъ заповѣдей и важно высказалъ ихъ такъ:

«Я Господь Богъ твой повелѣваю тебѣ, Израиль, учить дѣтей твоихъ грамотѣ, дабы они умѣли читать законъ мой святой». — Вотъ первая заповѣдь!

«Я Господь Богъ Твой приказываю тебѣ, Израиль, написать Мое имя надъ дверями каждаго дома.» — Вотъ вторая заповѣдь!

Потѣшилъ меня и дружину мою премудрый нашъ Ханна!

Наконецъ, мы укрылись въ Обители святой, благословляя Бога, хранившаго насъ на всѣхъ стезяхъ нашихъ и подавшаго намъ обильныя радости духовныя.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ПРЕБЫВАНИЕ ВЪ МОНАСТЫРѢ И ПОСѢЩЕНИЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЕГО.

Первые восемь дней вторичнаго пребыванія моего въ монастырѣ проведены были въ ученыхъ занятіяхъ. Въ добавокъ я пересмотрѣлъ старинныя рукописныя книги, лежавшія на потолкѣ при дѣла св. Козьмы и Даміана, и старыя иконы, укрытыя въ башнѣ надъ папертью соборной церкви. Всѣ помянутыя книги на языкахъ Греческомъ, Армянскомъ, Грузинскомъ, Сирскомъ, Арабскомъ и Абиссинскомъ, суть Богослужебныя. Въ числѣ ихъ нашлись: Глаголитная псалтирь, писанная на пергаментѣ мелкимъ почеркомъ, въ осьмую долю листа, безъ начала и конца, и псалтирь Грузинская, писанная на папирусь, въ четвертую долю листа, такъ же не цѣлая, но весьма древняя. Обѣ эти книги я передалъ Ризничему